

Записки по дороге из Керчи в Анапу

(«Закавказский вестник», 1853 год)

Нельзя не сознаться, что большая часть из нас ещё мало изучили Россию во всех частях её. Мы много, положим, читаем о ней, судим о прочитанном, знаем особенности климатические, топографические, этнографические и т.п. нашего отечества; с гордостью, при случае, выскажем свои силы нравственные а вещественные, но всё-таки сознаемся, что немногим из нас удалось поверить на месте, приложить на деле, разнообразными запас своих знаний или часть его, и что, наконец, к сожалению, не все могут, а иногда и хотят это сделать.

Так Кавказ, богатый разнообразными историческими материалами, давно ли для большинства, во многих отношениях, был сущюю terra incognita, в которую страшно было пускаться. А теперь эта неизвестная земля, так сказать, переродилась, зацвела всеми отраслями правильной гражданственности, влекущей к себе уже и не одних искателей случайного счастья, и людей разочарованных, жаждущих сильных ощущений. На Кавказе водворяются теперь благодетельною рукой повсеместно благоустройство, довольство, порядок, радующие сердце, исполненное чувств благоговейной благодарности к великому Монарху и доблестному сподвижнику Его, Светлейшему Князю Михаилу Семёновичу Воронцову, Наместнику Кавказскому.

В качестве туриста, не вдаваясь в сторонности, без всяких притязаний, на первый раз позволю себе сказать несколько слов о своём пути от Керчи до Анапы, с уверенностью, что беспритязательный рассказ мой напомнит обо мне моим друзьям, и с сомнением, что, быть может, он к ещё комунибудь и чемнибудь может быть кстати. В том и в другом случае почту себя счастливым. Итак, к делу.

Керчь, древняя Пантикапея, приморский город, лежит, как известно, у Таврического Пролива, соединяющего Чёрное Море с

Азовским. Он богат древностями, правильное раскрытие которых производится работами попечительного начальства, и имеет много правительственных и общественных учреждений, которые назовёт вам каждый учебник. Город не велик, но чрезвычайно красив. По местоположению и зданиям и оживлён деятельностью, свойственной вообще приморским городам.

Расстояние пролива от Керчи до Тамани, первой станции Черноморья на этом пути, полагают в 23 версты, и переправа через него, производимая обыкновенно посредством парохода «Донец», в 30 человек, отправляющегося ежедневно из Керчи в восемь часов утра, — зимой, когда весь пролив или только у берегов покрывается, от быстрого течения и слабых морозов, непрочным льдом, бывает затруднительна, опасна и даже невозможна. Тогда едущие в Закавказский Край или в укрепления северо-восточного берега Чёрного моря, обыкновенно отправляются из Феодосии на одном из военных пароходов, держащих постоянное сообщение между крепостями береговой линии, а из Редут-Кале, последнего пункта её, верхом, или по Риону, продолжают путь до Кутаиса, откуда следуют и далее. Те же, которые едут в Екатеринодар, Ставрополь и т.д., или в те крепости береговой линии, с которыми возможно сухопутное сообщение, если добровольно предпочтут этот путь, или успеют к отправлению парохода в зимнее время, при покрытии всего пролива или берегов его льдом, отправляются в первом случае пешком или в экипаже, по льду, смотря по состоянию зимы, а в последнем на рыбацкой или почтовой лодке. На долю мою выпало последнее, и то не скоро.

Я прибыл в Керчь 23-го января, в то время, когда северо-восточные ветры, приносящие в Крым стужу, с величайшею силой и ожесточением дули во всю дорогу мою от Симферополя до Керчи, и, продолжаясь с неизменным упорством несколько дней кряду, заморозили берега пролива верты на две, делая переправу решительно

невозможной. Перевозный пароход «Гонец» чинился, да теперь и без того был бы бесполезен, потому что все суда на рейде обмёрзли, а военный пароход отправился из Керчи, когда не было льда в проливе. И так мне приходилось, встретив на пути эти физические непреодолимые препятствия, сидеть без дела в Керчи, к счастью, в прехорошеньком городке, славящемся прекрасным обществом, где я и успел познакомиться с некоторыми особами, с которыми достаточно встретиться раз, чтоб не забыть их никогда. За всем тем, нетерпение моё быть на месте, в Анапе, с каждым порывом ветра возрастало, и я готов был пуститься в путь, пренебрегая опасностями, что было возможно не иначе, как когда слабый лёд скольконибудь укрепитя, по крайней мере до того, что можно будет по нём подойти к рыбацкой лодке, приходящей с противоположного берега или, правильно, с косы: *Средней*, отмели на середине переправы, и *Большой* (Тузлы), выдающейся из противоположного берега, от Таманской Станции, на 18 верст. Или же, покоряясь необходимости, должно было терпеливо выждать южного ветра, а с ним оттепели, при которых лёд или вовсе растает, или будет взломан, и между глыбами его можно будет лодки кое-как пробраться на свободную воду пролива. И в том в другом случае, это единственный и довольно опасный путь, по которому, в подобных обстоятельствах, курсируют все, имеющие дела на Кавказе, а также почта и курьеры, подобно мне тогда выжидавшие. В Керчи переправа эта производится в так называемой Павловской Батарее, в четырёх верстах от Керчи, и на кордоне, здесь находящимися, часто по неделе ждут нетерпеливые пассажиры или лежат их вещи. Я отправил свои под прикрытием почтальона, условившись, чтобы он, как человек езжалый, доставил меня с моими пожитками, состоящими из одного чемодана, в Тамань, на станцию, а сам остался в Керчи, у достойного Ж., с которым вместе ежедневно наведывался на кордон: не настала ли малейшая возможность переправы. Конечно, такие поездки, кроме

испытываемой от нетерпения досады, стоили мне тройной дороги от Керчи до Анапы, но без них нельзя было обойтись.

Наконец, 30-го января, рано утром нарочным с кордона известили меня, что лодка, договоренная для перевозки почты, через час отправляется; я дал ему за известие с радостью условленный рубль и через полчаса был на месте, на берегу. Море было черно и покрыто разбитыми льдинами, носившимися по воле ветра, и готовыми, казалось, раздавить в дребезги дерзкого пловца. С искренним чувством обнял я Ж., и спрыгнул в лодку, заплатив наперёд два рубля серебром хозяину её, или, как здесь называют, атаману. Мы первые открывали переправу. Экипаж наш, состоявший, кроме атамана, из шести матросов, в числе которых был и жид (большая редкость), дружно принялся за дело и с невероятными усилиями, упираясь сначала длинными шестами об осевший от дождя на дно лёд, а потом, на глубине, о плававшие глыбы его, при единодушном крике, медленно подвигал лодку. Мне было грустно. Так мы тянулись часа три, пока наконец, выбрались на свободную воду. Ветер засвежел, парус был поднят, сначала заполоскался, потом надулся, и лодка запрыгала по волнам. Опытный атаман немедленно взялся за руль, и, во избежание несчастья от сильного течения и разыгравшихся волн, принуждён был долго лавировать в проливе, по временам только взглядывая грозно на набегавший девятый вал, а мы, пассажиры, для равновесия лодки, постоянно меняли место. Сначала мы очутились у Камыш-Буруна, имения Г. Олив, верстах в десяти от Керчи, потом на одной линии с Ени-Кале, крепостью, находящейся в восьми верстах от Керчи, в противоположной стороне; и всё таки незаметно подвигались вперёд. Около двух часов пополудни, пошли, наконец, по прямому направлению к Большой Косе, оставив Среднюю (отмель) по правую руку; вышедшая же с нами лодка отстала, и вечером только была прибита к косе. Матросы наши (вольнонаёмные), отдохнув от работы, и пассажиры,

состоявшие из трёх солдат и одного старика, возвращавшихся из Керчи в Анапу, и одного Караима, молодого, красощёкого торговца из Тамани, уселись обедать, кто чем мог, а я, стоя у борта лодки, с чувством, в особенности понятным человеку между небом и водою, от которой отделяет его одна доска, смотрел на удалявшуюся от нас Среднюю Косу, на которой в неизвестности, труде и опасности, жили достойный человек, истинный Христианин, атаман забродчиков, простой, но благородный хохол, несколько раз, как говорят, спасавший утопавших. Ещё за несколько времени до моего переезда, он подал помощь гибнувшей лодке, на которой паходилось двадцать пять человек нижних чинов, курьер и упомянутый торговец из Тамани. Подробностей этого дела, к сожалению, не знаю. Около пяти часов пополудни мы пристали к берегу: на косе оказался перебой воды, и меня перенесли на руках. Совестно, да чего в дороге не бывает! В полуверсте от нас были шалаши забродчиков, тяжёлым и опасным трудом добывающих себе хлеб насущный. Каждый из них отличался атлетическим сложением, силой, и как видно, любил своё занятие до того, что не променял бы его на другое. Один из них вежливо взялся проводить меня к кордону, неподалеку от заводов, беленькому домику, весёлому, сравнительно с мрачной наружностью сараев, или так называемых рыбных заводов. Стражу кордона составляли старший и два подчинённые ему солдата, пешие. Старший был семейный солдат; трое маленьких его детей, девочек, при входе моём, с любопытством в детской доверчивостью начали меня осматривать. Я обласкал их. Вскоре общий мир наш был нарушен: явился почтальон, и начал требовать, что бы немедленно был отправлен верховой в Тамань, на станцию, с известием, что почта ждёт. Я между тем, в ожидании тройки, попросил вскипятить самовар, который, к общему нашему удовольствию, тут нашёлся. Чай, несмотря на дождевую воду, собранную для хозяйственных запасов на поверхности льда Азовского Моря трудолюбивыми обитателями

безплодной косы, показался мне чрезвычайно вкусным. Им я угостил больную жену старшего и его детей. В двенадцать часов ночи пришли за мной лошади, и я, оставив умненьким детям солдата несколько монет, в два часа ночи был в Тамани.

Усталость дня, неизвестность дороги, а главное желание видеть Тамань, которой незабвенный Лермонтов посвятил отдельную главу в своём «Герое нашего времени», облекши рассказ свой, с врождённым ему дивным талантом, в какую-то особенную поэтическую таинственность, заставили меня ночевать в Тамани. Услужливый ямщик предложил свезти в какую-то гостиницу, которую он красноречиво описывал; но я, сообразив, какой может быть гостиница в Тамани, и зная, по опыту, как иногда нашего брата проезжего обирают в подобного рода заведениях, пользуясь раз в году выдавшимся случаем, велел поворотить на станцию. Предположения мои оправдались, и один из ночевавших в гостинице сказывал мне, как ему, усталому и неторговавшемуся, пришлось при расчёте заплатить пять рублей серебром за самый неприхотливый ночлег. Хороша гостиница, где так принимают гостей! На станции, на голых досках какого-то дивана скороспелки, я спал преспокойно, и не мало удивил тем стационарного писаря, подробно мне объяснявшего, что мебель их реставрируется, а утром, дорожа временем, велел скорее приготовить телегу, и в пять часов был в дороге, посадив с собой и знакомого своего, и доброго предупредительного старика. День был тёплый, ясный; лошади добрые; ямщик Саратонец, молодой, бойкий парень, с измала сюда зашедший с матерью. Места, проезжаемые мной, живо напоминали благословенную Малороссию: та же тучная почва, благозвучный Малороссийский язык и выразительные лица, те же, при встрече, поклоны мирных поселян, но, с оружием в руках, готовых к обороне, а станицы их, которых тут семь, те же сёла Малороссов, но только распланированные, с правильно построенными удобными домами, крытыми вместо соломы, камышом.

Самая зажиточная из станиц, говорят, Благовещенская, вне всякой опасности от набега горцев. В прочих поселяне, преимущественно из Малороссиян, с успехом занимаются хозяйством, хотя в некоторых из них пашут и сеют под прикрытием. Они управляются особенным Правлением Закубанских поселян, находящимися в Анапе и подчинённым начальнику береговой линии. Станицы Закубанских поселян великое дело благодетельного Правительства! В четырех из них, в Николаевской, Суворовской, Витязевой и Благовещенской, по проекту бывшего Начальника Береговой Линии, Г. Генерал-Лейтенанта Анрепа, известного здесь по многим полезным учреждениям, заведены сельские школы с отделением для мальчиков и девочек. Ближайший надзор за школами поручен благочинному священнику. Около восьми часов утра, я соскочил с телеги в Бугасе, чистеньком посёлке, расположенном у гирла образуемого Кубанью, при впадении её в море. Здесь был прежде карантин, а теперь застава. Служебный порядок во всём заметен: солдат вежливо спросил у меня подорожную, и тотчас возвратил. Вещи мои были сложены в лодку, и шесть дюжих поселян вмиг перевезли меня на другую сторону, и снесли на станцию весь багаж мой. За все это я дал им на всю братию 15 коп. серебром, и они остались довольны. Переправа на Бугасе, говорят, бывает опасна при восточном ветре, который будто бы может унести лодку в узкий пролив, сливающийся Кубань с морем.

На Бугасской Станции, в двадцати верстах от Тамани, взяли с меня прогоны до Анапы (по три копейки с пары от Тамани), и тройка лихих лошадей умчала меня дальше в Джемитейское Укрепление, следующую станцию. Дорога этой станции (двадцать одна верста) идет по песчаной, сначала узкой косе, отделяющей Кубанское гирло от моря, и, говорят, прежде была не безопасна: холмы наносного песку, посредине этого перешейка, часто скрывали горцев. Теперь, из предосторожности, не советуют на эту станцию ехать ночью.

Джемитейское укрепление, станица, защищённая блокгаузами, расположена у моря в 19¼ верстах от Анапы. Пока записывали мою подорожную и запрягали лошадей, я, из любопытства, начал здесь сверять с расписанием проеханное мной в тот день расстояние, и заметил при этом, что при числе вёрст каждой станции, было и maximum времени, в которое должно их проехать: прекрасная особенность, нигде прежде мною не встреченная. Станционный смотритель, по видимому больной человек, на вопрос мой: не опасна ли эта последняя до Анапы станция, отвечал, что проезжать её должно только днём, и то с оружием, что почту всегда сопровождает конвой... Я торопился дальше.

Здания Анапы ясно видны за пять вёрст до города. Последнюю станцию, по дороге, часто мне истречались казаки и солдаты, вооружённые, в папах (Черкесские шапки), и иногда, так называемые, мирные Черкесы, а я, привыкший к миру и тишине, доезжал уже к месту с одной палкой, моим странническим посохом. Спутник мой, дряблый старичёк, согреваемый солнцем, всю дорогу постоянно дремал, но, с приближением к Анапе, заметно оживился, и при проезде через одну балку (лощину), торжественным голосом, в котором слышались и мужество и чувство, провозгласил: «Здесь был убит Майор Витязев». В старике я узнал Кавказского солдата и человека.

С тихой молитвой совершил я крестное знамение за упокой души павшего героя.

31-го января, в три часа пополудни, я был в Анапе.

Кончив свой дорожный листок, по сочувствию к путешествующим, сделаю несколько общих практических замечаний.

В дороге не должно прибегать к заранее рассчитанной экономии: почти всегда экономия выходит не экономия. Непременно ясно договариваться о цене требуемого, правило по многим причинам ускользающее от внимания проезжающего, к ущербу его кошелька.

В Керчи предпочтительно остановиться в клубе, содержимом

госпожой Нанини, где к услугам вашим удобное помещение и прекрасный стол, за сходную цену. Вообще в выборе приюта в дороге не следует полагаться на слова станционного смотрителя, писаря или ямщика. Следующему моим путем дорогой, приезд в Керчь рассчитывать к отходу парохода по сведениям, помещаемых в Одесском Вестнике и в Календарях Новороссийском и Кавказском. В обстоятельствах, подобных моим, при переправе через пролив, избирать почтовую лодку, не доверяя себя забродчикам, слишком привыкшим к опасностям моря и падким на деньги: переправляться лучше с почтой. При переправе с Павловской Батареи, распорядиться заранее нарочным с кордона для извещения о приходе и отбытии лодки. Вещи хорошо отправлять на кордон раньше, поручив их зоркому надзору, притом оставить у себя непременно лучшую пару платья. Договорить хозяина лодки дать знать с косы в Тамань, на станцию, или, если можно, приискать для этой цели лошадь в Керчи, и перезти её с собой на косу. Ночлег предпочесть в Бугасе или в Джемитейской Станице. В Бугасскую Станцию не ехать ночью, а Джемитейскую ни под каким предлогом и надобностью. В Анапе можно остановиться в клубе. В дороге, на всякий случай должно иметь при себе оружие, которое, на Кавказе, должно быть на виду.

А. Плеханов.